

В. И. Крусс¹

КОНСТИТУЦИОННОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ И ЦЕННОСТНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАУКИ ПРАВА

Ход и легитимные цели специальной военной операции (далее — СВО)² «диктуют» задачу ценностного самоопределения для отечественной науки права в той мере, в какой она готова утвердиться в призвании служить будущему России как непрерываемой конституционной ценности.

В научно-юридическом контексте освобожденные от формально-позитивистских маркеров конституционные ценности и интересы получают значение ключевых, диалектически взаимосвязанных феноменов и явлений: первичных элементов системы права, индикаторов правопорядка, ориентиров целеполагания и катализаторов назревших конституционных перемен. При этом российское правопонимание далеко не всегда говорит о сущностной и правогенерирующей *нормативности* базовых — конституционных — ценностей³, с добавляющим тому вниманием.

Не стоит упрекать юридический позитивизм (даже в статусе «конституционного») в редуцировании познавательных ресурсов аксиологии. Но и науке, сторонящейся ценностных «пристрастий» и апологетики конституционных ценностей, не резон сетовать на «вспомогательную» роль: «предлагать концептуальное обоснование уже де-юре свершившимся правоустановлениям». Умение «беспристрастных» ученых «быстро реагировать на возникающие реалии» и «отсутствие доктринальных исследований новых институтов, появившихся в конституционном пространстве»⁴ — две стороны одной медали.

¹ Заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ. Автор 217 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Теория конституционного правоупользования», «Право на предпринимательскую деятельность — конституционное полномочие личности», «Конституционализация права: основы теории», «Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации» и др.; учебное пособие «Злоупотребление правом»; статей: «Конституционный правопорядок и право на протест: „мыльная драма“ процессуальной оппозиции», «Политико-правовая (демократическая) система Российской Федерации: актуальность и направления конституционной модернизации», «Медицинское право, конституционное правоупользование и соматические притязания» и др. Член Экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации по правовым и судебным вопросам. Член редколлегий журналов «Российское право: образование, практика, наука», «Юридический вестник Дагестанского государственного университета», «Проблемы права», «Юридическая орбита» и др. Почетный профессор Тверского государственного университета. Награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

² Начатой во исполнение международно-договорных обязательств Российской Федерации. См., в частности, федеральные законы РФ от 22 февраля 2022 г. № 15-ФЗ и 16-ФЗ.

³ Подробнее см.: Крусс В. И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2. С. 7–14; *Он же*. Нормативность конституционных ценностей // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации: материалы Междунар. науч.-теор. конф., 4–6 декабря 2008 г.: в 2 т. / под ред. Н. В. Витрука, Л. А. Нудненко; Рос. акад. правосудия. М., 2009. Т. 1. С. 31–41.

⁴ См.: Виноградова Е. В. Публичная власть в России: конструкт — концепт // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 11. С. 49–50, 56.

Конституционно состоятельные доктринальные концепты позволяют «опережать» («предвидеть») социальную реальность, если разрабатываются на основе конституционного правопонимания и верности Конституции⁵. Конституционное правопонимание не нуждается в обоснованиях «единства ценностного мира, его генезиса, структуры, способа существования и конечного назначения»⁶, — аналогичная установка является аксиологической предпосылкой, имманентным и содержательно определенным признаком этого концепта. Его преэминентность по отношению к классической познавательной парадигме также не препятствует признанию того, что конституционный дискурс и коммуникации строятся и обретают смысл исключительно на сущностно-ценностной основе, всегда подразумевают отсылку и (или) возможность отсылки к ценностям номинально конституционным либо легитимно признанным и конституционно значимым (субъект признания — Конституционный Суд РФ).

Наряду с этим конституционное правопонимание исключает отношение к ценностям как к феноменам и благам «внешнего» порядка, «требующим» согласия с оценкой, данной им «другим». Субъект конституционного правоупользования есть одновременно и актор обоснования правомерности происходящего: «другого» для него просто не существует. И в этом нет и намека на позиционирование радикально-либерального или анархистского толка. Равным образом неправильно уподоблять такое восприятие не критичной идеализации отношений фактических. Для реально конституционализма актуальны особые отношения, в которых неотчуждаемые права и свободы человека мыслятся как непосредственно действующие. Нельзя рассчитывать на конституционное правоупользование, уповать на верховенство Конституции и одновременно прикреплять маску «другого» на субъекты политического властвования или администрирования. Поскольку с позиций конституционной аксиологии и правообладатель, и лицо, необходимо опосредующее правоупользование, обоюдно стремятся к общему благу и «общей правоте» конституционного, а следовательно, равно чужды интенции «подчинения» сознания «другого». Тем более что политическое измерение реального конституционализма обуславливает равный доступ к прерогативам публичного властвования при всеобщей обратимости состояний и статусов политического и гражданского.

Конституционная аксиология «преодолеывает» трансцендентальную этику Канта и социально-феноменологические концепты эпохи постмодерна, пытающиеся решить проблему «другого» через апелляцию к тому, что есть общего у всех людей. Стратегия последующего перехода от идеала свободы к ценности

⁵ См., например: Витрук Н. В. Верность Конституции: моногр. М.: Изд-во РАП, 2008. С. 113–117 и др.

⁶ См.: Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемеровой. М.: Минск: ПАНПРИНТ, 1998. С. 1002–1003.

«братства» (Д. Хьюм, А. Бадью)¹ в теории конституционного правопользования более юридически внятным образом намечает идея солидарной природы прав человека, «заклающих» в себе блага (ценности), недоступные и бесполезные в композициях и техниках сугубо индивидуального толка². Для того чтобы исключить «разрыв» правовой коммуникации, каждое соотношенное с конституционной ценностью «индивидуальное благо» необходимо мыслить как компонент блага общего.

Конституционные ценности сущностно однородны (равнозначны) по определению и системно связаны. Об иерархии здесь можно говорить условно, в том смысле, что эти ценности проявляют себя в различных «диапазонах» значений в зависимости от социально-политических факторов. В «нормальной» ситуации это позволяет определять их актуальное соотношение (ценностное «взвешивание») и находить необходимый для целей конституционализации и конституционной модернизации нормативных моделей правопользования ценностный баланс. Широкий диапазон таких конструкций выражает свойство инвариантности изоморфной конституционно-правовой материи, допускающей правотворческую дискрецию. В экстраординарных конституционно-правовых состояниях, каким для России, несмотря на отсутствие законодательных конкретизаций, и является СВО, актуальное значение определенных ценностей может меняться значительно. В правотворческом плане это предполагает актуальное ранжирование, временную корректировку соотношения конституционных ценностей, без какой-либо их «девальвации» или «обесценивания» (по аналогиям конституционных понятий умаления и отрицания).

Большинство нормативных актов, консолидированно образующих «законодательство СВО», очевидным либо неявным образом связано с обозначенной — вынужденно-инновационной — технологией. Источниками (формами) этого законодательства являются нормативные правовые акты экономико-гарантирующего, финансово-стабилизирующего и социально-компенсаторного характера. Так, под знаком актуального возрастания рисков для обороноспособности страны и государственной безопасности стоит Указ Президента РФ, устанавливающий изъятия из конституционно значимой обязанности декларирования доходов, имущества и обязательств имущественного характера для граждан, наделенных публично-властными полномочиями, принимающих участие в СВО³. Очевидно, что принятием названного акта ценность конституционной законности в целеполагании необходимого противодействия коррупции отчасти — ситуационно — пере-

осмыслена в сравнении с ценностью конструктивно-патриотического настроя и «деятельной лояльности» элит. Также не подлежит сомнению временный характер произведенного ценностного ранжирования, а равно и его значение для корректировки конституционной политики государства после завершения СВО.

Показательно, что указанная новация и законотворческая практика периода СВО в целом не обнаруживают связи с научно-юридическими обоснованиями. Признать такое положение дел для российской науки права нормальным нельзя. Мир стоит на грани судьбоносных перемен, которые чреватые трагическим финалом для человечества и для права, если не будет найдена идея, адекватная масштабу кризиса. Ведущие конституционалисты говорят об этом публично, хотя не вполне последовательно. Показательна, в частности, позиция В. Д. Зорькина, который, с одной стороны, полагает, что в контексте *общечеловеческих* угроз и вызовов именно Конституция РФ позволяет России предложить и реализовать новые концептуальные основы построения успешного правового государства, «не впадая в иллюзию всемирного братства народов»⁴. С другой стороны, ученый и философ уповает на «опыт исторических универсалий», которые, по сути, и санкционировали нигилистическую переоценку ценностей⁵, способную обрушить «цивилизацию права» в ретушированную хаосом пустоту. Не добавляет определенности и признание того, что «нам предстоит одолеть трудный путь *воссоздания* в России массовой здоровой моральной нормативности», поскольку «никакая, даже самая хорошая Конституция и основанная на ней... формально совершенная правовая система не будет полноценно действовать, если она лишена фундамента в виде индивидуальной и общественной морали»⁶.

Отечественной науке права важно определиться с ценностным позиционированием: открыто признать, что именно видит она основанием «здоровой нормативности» в ее соотношении с качеством и требованием конституционности. По нашему убеждению, речь здесь может идти только о конституционном приоритете духовных ценностей, иерархически «высшей» из которых стоит легитимная вера в Бога (ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ). В силу чего актуальным становится дискурсивное «исключение» из материи национального права антиценностей как, в конечном счете, всегда антирелигиозных. В юридико-практическом плане деактуализация конституционного осмысления понятия антиценности в нарративе должного нацеливает на «вытеснение» соотносимых с этим понятием явлений, притязаний и факторов за внутренний контур российского конституционализма и адаптацию правоохранительных ресурсов к защите «периметра» правовой системы России от «остаточного» присутствия и «инклюзивного» проникновения таких симулякров извне.

¹ См.: *Борисенко Н. Н.* Концепт «другого» в историко-философской ретроспективе // *KANT*. 2022. № 2 (43). С. 89–93.

² См.: *Крусс В. И.* Теория конституционного правопользования. М.: Норма, 2007. С. 101–115.

³ См.: Указ Президента РФ от 29 декабря 2022 г. № 968 «Об особенностях исполнения обязанностей, соблюдения ограничений и запретов в области противодействия коррупции некоторыми категориями граждан в период проведения специальной военной операции». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212290095?ysclid=ljh821oxlb170823288> (дата обращения: 20.03.2023).

⁴ См.: *Зорькин В. Д.* Право против хаоса: моногр. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2023. С. 11–12, 255, 530–531.

⁵ В метафизике Ницше «основная черта сущего как воля к власти» аксиологически «стерильна», хотя и провозглашается установлением ценностей. Такой задаче, как и «механической экономике» Запада, соразмерен уже сверхчеловек, «не подвластный» никаким традиционным ценностям (см.: *Хайдеггер М.* Ницше и пустота. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. С. 209–210, 274–275 и др.).

⁶ *Зорькин В. Д.* Указ. соч. С. 256.

В историко-политическом преломлении завершение СВО будет равнозначно военной победе России, предопределяющей мирное конституционное *преобразование* страны. В этом контексте окажется уместным и вопрос о принятии новой национальной конституции. Для конституционного правопонимания такое решение не станет «доктринальным поражением». Как методологически трансцендентное, оно базируется на уверенности в том, что для каждого

суверенного народа существует и *его* (предпосланная ему) *идея* конституции. Для российского народа и государства — «полиэтнического, поликультурного, поликонфессионального» (В. Д. Зорькин) — идея конституции «отстраняется» от платоновского (философского) значения и приближается к *промыслу Божьему*. Позволяя оставаться в версии (нарративе) научно-философского восприятия, насколько это возможно.